

ДРЕВНЕБЕЛОРУССКАЯ ЮРИДИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА ЛИТОВСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ

А. А. ВЕРЖБОВСКИЙ

Долгое время априорно считалось, что поскольку древнерусское государство сложилось значительно раньше первых попыток государственного объединения на территории Литвы, поскольку имелась „Русская правда” и первыми литовскими князьями на территории Великого Литовского княжества был узаконен выросший на основе древнерусских литературных норм древнебелорусский литературный язык, постольку только древнерусское право могло оказать значительное влияние на сложение правовых норм в Великом Литовском Княжестве. Ссылались обычно на стражение древнерусских правовых норм и употребление древнерусских юридических терминов в законодательных актах В.Л.К.² Однако это далеко не так. Культурные влияния никогда не бывают односторонними. Общегосударственное законодательство в государственных объединениях, которые были конгломератом народностей, как это было в В.Л.К., в значительной степени впитывало местные традиции разных областей. Славянский элемент должен превалировать потому, что славянских областей было больше и численность населения, для которого устанавливалось законодательство, в славянских областях была значительно большая. Однако не только литовцы перенимали обычай славян (поляков и носителей древнерусской культуры — будущих белорусов, украинцев, русских) и отражали их в своем законодательстве на одном из славянских языков, но и славяне перенимали обычай литовцев и, живя с ними в одном государстве, не могли не пользоваться чисто литовской юридической терминологией.

Нужно отметить, что из огромного количества западнорусских памятников писменности исследована только незначительная часть. Однако и это дало значительное количество юридических терминов литовского происхождения:

1. Крёны дево(т)чие или *wianowne pieniadze* от слова *wiano* общеславянского происхождения. Кроме того на соседних славянских землях широко употреблялись в то время термины — синонимы: куница (1494-1796 гг.) — на территории восточной части Белоруссии и всей Украины, куницы и сорочки поёмные (1588 г.) во Владимировском повете. Таким образом, термин крены дево(т)чие локализирован на западе и поэтому должен восходить

к лит. **krienaі** (слово зарегистрировано в древнейших лит. и лтш. памятниках): ведь недаром этот чуждый славянским системам термин заменился на термин хрены девотчие (критерий народной этимологии; связывалось со словом хрен). Кроме этого о заимствовании говорят критерий лингвистической географии, фонетико-морфологический критерий (др.-лит. **krienaі** в: quod **Kriens** a Samagitis vocatur... etc. 1550>др.-бел. крены с ie через e и ai через y), семантико-групповой критерий (заимствование многих терминов для обозначения налоговых сборов).

2. мезлевá, мезлещíна, мезлевóе³ (1447-1537)<др.-лит. **mēzliava** („складчина“, Хвейданы, или **mēsliava**, Ольяды)<***mestliava**: pass. **mez-d-inu** (Būga, RR. 1, 287) от **mesti** „сбрасывать деньги на что-либо“.

Мезлева³ первоначально возникла во время посадей феодалов в принадлежащих им деревнях. За собранные деньги или мезлеву (сборщину) покупали животных на мясо и т. п. угощения феодала. Но уже в первой половине 16 ст. феодал отказывается от ежегодных угощений в своих владениях и требует за это денежного возмещения — iš **sumesti** **pinigų**.

Sumesti pinigai в пользу молодых на свадьбе поэтому тоже назывались мезлевою (в бел. памятниках пока что не найдено).

3. др.-бел. ринклевá³, ринклевóе (:мезлевá, мезлевóе) и, возможно, ринклевщи́на (как мезлевщина и свиренщина), польск. **rynkław** (M.) **rynk-lowę** (*pieniądze*) — существительное, образованное от имени прилагательного (1691-1795) восходят к лит. **riñkliava** „определенный налоговой сбор“ (возник из обычая собирать деньги на общественные нужды) от **riñkti** (название собирающего вместо мезлева — со стороны платящих).

4. свироньщина³ или свирёновщина (Полоцк, 1533 г.) „определенный сбор“. Слово образовано от литуанизма **svirén** из др.-лит. ***sveriné** (F.), как др.-рус. овýн, овýна из восточно-балтийского ***javiné**>бел. ёўня, ёўня с передачей ja через ё, как а через о и выпадением редуцированного из i. Таких литуанизмов-существительных, образованных от имён прилагательных, в древне-белорусских памятниках очень много. Они же встречаются и в польских текстах, и в современном польском диалекте на Виленщине. В свою очередь ***sveriné** (*troba*) образовано от глагола **sveř-ti** „взвешивать“ и идентично слову **šalíné** „боковая кладовая“>слав. **szali-nia** как польск. **szwiernia**³: лит. **svirnà** (F.) „свирон, свирен“.

Лит. ***sveriné**>польск. **szwiernia** в свою очередь подверглось влиянию бел. свирня (Новогрудок) и свирен, род. пад. свирна с одной стороны, и, с другой стороны, подпало закону выпадения безударного i в некоторых положениях по типу **šul-in-ýs**>**šulnýs** „колодец“. Поэтому в современном лит. языке мы встречаем формы **svirnà** i **sviřnas** по типу древнейших образований на **nā/-po-:** **vař-na-s** „воронь“ и **vár-na** „ворона“.

5. пентени́цкие пénéзи³ назывались в 1516—1593 гг. восточными славянами В. Л. К. ещё и поsekérшиной или мостовníчим, т. е. это был налог от каждого обуха или пенти топора или секеры — сбор на строительство и ремонт мостов; собранная поsekершина называлась ещё пентиники < лит. **pentininkai** : **péntis** „обух топора, пята“.

6. дакло (1350–1450), ³ и ⁵ или дákло структурно может восходить только к лит. *dékla^s. В таком случае это производная форма м. р. от формы ж. р. dékla, что (по проф. К. Яблонскису) обозначало saikas (6 гарнцев), потом всегда одинаковое количество сыпаемого (в пользу феодала) зерна. В Жемайтии взималось не дакло, но сойкт < *saiktas³. Итак лит. dē-ti „дзéць, положить, покласть“ > dékla > *dékla^s. Форма дак-ло — народная этимология к даковати „дзякаваць, благодарить“. Форма dúo-klé от dúoti в значительной натуральной данью (обычно зерном и сеном), только познее заменённой денежным сбором; близость звукового оформления способствовало сближению слов *dékla^s и dúoklē.

7. посéдь (пóсадь или посад)³ — определённый натуральный сбор поры господства литовских князей. Он заключался в том, что к моменту приезда великого князя, магната или их высокопоставленных чиновников в определенное поселение жители (главным образом наиболее богатая часть) собирали гостям всё необходимое для них и их свиты. Поскольку визиты были не частыми, посéдь собиралась редко, иногда раз в год. Но в конце XV ст. польские короли узаконили этот обычай как особый налог в связи с тем, что некоторые чиновники уже слишком часто становились на посéдь в одном и том же месте и обирали жителей, о чём посыпалось много жалоб³. С точки зрения словообразования, посéдь (как и ДАКЛО) могло бы возникнуть из чисто славянских составных элементов, но в результате воздействия литовских обычаяев. Поэтому обязательно должно было существовать среди литовского населения и соответствующее литовское слово из тех же морфем индоевропейского происхождения, т. е. слово *pā-séd-is и *pā-sod-is: современное лит. pa-séd-as „сиденье“ (сравни др. — рус. посад). Термин связан с лит. sédýba (сидзіба), или sodýba, sodà etc., séd-ě-ti „сидзець“.

8. илкги или гилкги³ (1592—1687) восходит к др.—лит. ilgës<Ilgič Šventës (вероятно, день поминовения мёртвых — 2 ноября) сбор в пользу феодала по обычая колядования: лит. ilgas „долгий“ и лит. ilgëtis „тосковать и т. п.“.

9. польск. osiowe³ (N.) — калька с жемайтийского ašies piinigai, т. е. деньги в пользу феодала вместо натуральной поставки оси дров с волоки земли < жем. ašis „ось“ ≈ kubinis sieksnis malkų, т. е. 2, 13 м³.

10. польск. lażowe < лит. lažu... от läžas „baudžiava, прыгон“ польск. laża. По типу образования — к osiowe, rinklowe pieniadze.

11. польск. jesienina (калька) и rudonaje³ < rudenojus (в Латвии и Литве) вместе с Inowaniem были формами обирания местными властями крестьян осенью (rudens laike) после уборки урожая. Несомненно, что общее для всех жителей В. Л. К. явление должно было вызывать к жизни для своего обозначения слова одинакового семантического (однокоренного или разнокоренного) значения, термины — кальки.

12. iszymtynia или ишымтыня³ „доля дохода в пользу родителей с отданного детям хозяйства“: лит. iš-imt-lnë от iš-imti „изъ — ять“.

13. палúкно или pałukno³ „процентные деньги“: лит. palúkanos, palúkos уст. от palükëti „kick palaukti“.

14. копа „феодальный, т. н. копный суд в В. Л. К.“ (1460—1754 гг.³) < лит. **kúopa**. О заимствовании свидетельствуют следующие критерии: 1) семантический и кр. системы (**kauptis** и **kuõptis, kuõpinis**); 2) фонетический (: клу́ня и клобя³ из **klúonas**, оруд и оруд³ из **arúodas**); 3) морфологический (: поганские копища, Срезневский Мат. 1, 1281; 14 ст.). ибо др.-рус. язык не показывает нигде слово копа в зн. „скопище людей“; 4) кр. лингвистической географии (отсутствие копных судов в русском государстве периода В. Л. К., т. е. русское государство, имея своеобразные особенности, отличалось и своеобразным законодательством и отражающими последнее терминами); 5) кр. истории развития культуры (сложение в В. Л. К. своих правовых норм, отражающих древние местные обычаи); 6) семантико — групповой критерий (см. литеранизмы торпоста и **лóдьник**) — известны литеранизмы — судебные термины.

Термин **копá** не известен не только русским, но и украинским памятникам в Галиции (по проф. К. Яблонскису).

15. **лóдьник** „сведка“ (Chr. Stang, Die altrussische Urkundensprache der Stadt Polotzk, 141—145, Oslo, 1939 док. №156 и №293) < лит. **liùdīninkas**: **liudyti** „сведчили“: **liáudis** „люди“ (чредование **iu**: **iau**).

16. **торпостай** < **торпоста**³ „лицо, присутствовавшее при сообщении свидетелем-доносчиком сведений о лице, совершившем преступление“ (1389—1529 гг.) восходит непосредственно к др. лит. **tarpūstojas**: **tarpininkas** „посредник“, **tarpininkauti** „быть посредником“ от корня **tafp** „посреди“; бел. торп снапоу у гумне <лит. **tárpas** (+ „соединительная гласная“ как и в слове **tarp-ù-pédé** (=др.—бел. торпеда в значении торп)+второй корень, тот же, что и в глаголе **stó-ti** „стоять“+суф. **-oj(as)** вместо современного **-ininkas** в слове **tarpininkas**. Суф.-**oj-** засвидетельствован и в литерализме бртай вместо др.—рус. ратай и бел. арты. Форма **торпоста** образована под влиянием славянских форм типа **стáроста** или польск. **starosta**.

17. **тáрмена** „дневник, журнал, записки, копии устных распоряжений высокопоставленного лица в В. Л. К.“ (по Дневнику Кмиты Чернобыльского“, 1574 г.; ничего общего не имеет с полонизмом **тéрмин(к)**, „записочка (по Носовичу)“ латинского происхождения)<др.—лит. ***tar-m-ena** от **tafti** „сказать устно“ (из многих контекстов видно опасение, чтобы донесение не попало в руки врагов; дневник же вёлся писарем) по типу **staig-m-enà=staigmuõ** (: **tarmuõ**) при **staig-ùs**.

18. **konigista**³ „панщина, барщина“ < лит. **kunigystė**: **kùnigas** „уст. пан. барин, лтш. **kungs** (ponas)“ (Būga, R. R., 1, 545—546), сп. бел. витебск. кунега „неженка“ (1927 г.) < лтш. витебск.* **кипеда**.

19. **pawarýmas** „кгвалтъ или толока“ (принудительная, от первоначального **teǐkti** > **talkà** „добровольная взаимопомощь определённого рода“) — неассимилированный литерализм от **varýti** „загонять, гнать“; толока — ранний балтизм.

20. лейть, мн. ч. лейти, -eve, лейцы „работники конюшни феодала“ (15—16 сст.)³ < др.—лит. ***leistis / laitis** (Zaiciškių kaimai), возможно, с нем.: **cumleutey**, 1407 (Ateneum Wilenńskie 1, 257): Leute.

21. текў³ (1510—1580) < др.—лит. **tekūnas** „kaimo vyresnysis, до установления реформой об волоках должности лавника старший в деревне“, (мотивировано беганием при оповещении господской воли феодала, ср. зн. „pasintintys, bēgikas“ и **tēkinas**, DZKŽ 848—9).

22. Слав. **lávnik** > лит. **lavnikas** (> **lavininkas**) > польск. (в памятниках) **lawnikaitis, -ciowi** (Dat.) „сын лавника“ > **lawnikaić** — с лит. суф. — **ait** — .

23. (с)керь или **skierdž** (сохранилось диалектно в слав. говорах Виленщины) < лит. **skeřdžius** = (1748—1765 гг.) **viřšininkas** > польск. **virszynek** „старший пастух“, лит. **viršininkystė** > польск. **wirszyni-ko(w)stwo** „время занятия должности w.“

24. рыкўня или рыкўния³ (и другие формы) „дворничка, ответственная за рост поголовья скота феодала; ключница; экономка“ (1544—1773), подрыкўня и подрыкуня́нка „дочь подрыкуньи, помощницы рыкуньи“, рыкўнич и порыкунич или рыкунойтис (сын рыкуньи или соответственно подрыкуньи) восходят к лит. **rykūnė, rykūnaitis** от **rikiúoti** „наводить порядок, хозяйствовать и т. п.“ Форма **rýčka** „молочница (Полтавщина)“ отмечалась в конце 19 ст.

25. ошви́ник (мн. ч. ошви́ники)³ „крестьянин-досмотрщик кобылы великого князя (должность просуществовала до реформы о волоках) < др.-лит. **ašvininkas : ašvà** „кобыла“.

26. ройти́ник (мн. ч. ройти́ники)³ „путный боярин великого князя (путь)“ (1510—1703) < лит. **raštiniinkas** гонец, передающий письма (В. К.); служащий князю с конём.“

27. жибентяй³ (мн. ч. жибентяи) или жибентай „истопщик и человек, заботившийся об освещении великолукских хоромов и выполнявший другие придворные службы“ (1519—1530 гг., Витебщина, смотри дер. Жибентяи к книге Ю. Трумана⁶) восходит к др.—лит. **žibin-t-éjas** или **žibin-t-ojas : žibinti** „запаливать свет“.

Нужно отметить, что ошвиники, ройтиники и жибентяи были вольными крестьянами и за службу великому князю наделялись землями, постепенно обогащаясь и переходя в литовское боярское сословие.

28. койминик или койминец (мн. ч. койминцы) „люди похожие“, вначале безземельные вольные крестьяне, соседи магната, которые проживали на его землях на определённых условиях (1514—1463) < лит. **kaimininkas : kaimýnas** = др.—бел. **кóймин** „сосед“. Койминцы (или люди похожие) сыграли большую роль в заселении пустующих земель феодалов на территории Белоруссии и Литвы и других территориях В. Л. К., потому что их освобождали от налогов (короли — на срок до 12 лет, магнаты — на срок до 4 лет), что делалось в надежде будущего полного закабаления: д. Коймино под Бобруйском (Атлас БССР 111—112).

29. польск. **werg** „раб“ „невольник, холоп“ (1695—1766): лит. **vér-gas**; **wergostwo** (N.) „холопство и т. п.; см. село Вергули в Бельском повете (Акты ВАК, т. 3, Указатель).

30. антры́ник, онтры́ник³ (и много других форм), муж. р., антрыница ж. р. „второй работник от данного крестьянского хозяйства (обычно жена)“

(1620—1794) < лит. *antrininkas*, *-ė*: *antras* „второй“; унтриник>унтерництво³:диал. *untrininkas*, „второй, не основной работник“.

31. бёндр или бэндра³ „себр(а), т. е. товарищ, соучастник в работе на данном хозяйстве и т. п.“ < лит. *beñdras* (M.): *beñdras* прилог. „общий“, *bendráuti* „себровать, дружить“; бендрόство или бяндрόство, польск. *bendro(w)stwo* „сяброўства“ (1571—1665).

32. др.—бел. бицоль, польск. *biciul*³— тот, кто имеет с кем-нибудь общих пчёл=хто маеть сполных себреных пчол албо пчолы наполны“ (1553—1767) < лит. *bičiūlis*: *bite* „пчела“. Отметим следующие фразеологизмы литовского происхождения, часто встречающиеся в судебных документах: а) ульи или пчёлы себреные или бицюлевские; пчолы сполные себреные; б) дати у себровство пчолы наполы; пчолы наполы на сябровство роздати; пчолы наполы в сябровство взяти; пчолы наполы у сябровстве мети; пчолы усполные в себренстве держати; пчолы напол себреные; г) польск. *w barciach siabrowac*; д) водлуг себренства мёд выберати; сябровати пчолы наполы; ж) *miod połowiczny*.

Все эти фразеологизмы восходят к: а) прилаг. себрены(й)—калька с лит. *bičiuliniš*; б) *bičiuliškai bites duoti, gauti, imti, prašyti* и т. д. и т. п. По славянским фразеологизмам сейчас трудно восстановить литовские проформы. Однако сябровати пчолы наполы—калька с лит. *turēti bičiulystę*, а термин себровство пчел—калька с литовского *bičiulystė*,

Ведущий критерий определения заимствования—критерий лингвистической географии (см. русские юридические документы той поры). Дело в том, что среди древних литовцев и других соседних балтов был обычай дарить друзьям и соседям пчёл, причём мёд делился поровну. Но и этот обычай феодалы вскоре превратили в повинность отдавать помещику половину собранного мёда от своих собственных или себреных (полученных от помещика) пчёл. Во многих отношениях интересно отметить, что в древнейших судебных документах можно встретить случаи, когда так называемое себровство пчел обычно имели поляк и литовец или поляк, белорус и татарин, что видно из фамилий: Курпеша и Микель Римдзевич с Шимком Торкатсм (татарином), 1553 г. Ковенский повет³.

33. Наконец отметим 4 термина—синонима для понятия „прымак“ (принятый на чужое хозяйство муж. вдовы или девушки): 1) др.—бел. ужкур или ушкур < лит. *už-kurūs*; 2) др.—бел. преікш < лит. *preikšas* (ср. *prei-kurūs*); 3) др.—бел. улаз (только в Литве)—калька с лит. *už-kurūs*: *už-si-kur-ti* и бел. улазіць „забираться в (чужой) дом и т. п.“ 4) др.—бел преікур.

* * *

Мы только отметили ту незначительную часть литуанизмов, которая была извлечена из архивных документов 14—18 столетий литовским учёным проф. К. Яблонским. Но и среди этих заимствований мы видим и прямые заимствования, и слова, несколько раз переходящие из языка в язык, и кальки, и фразеологизмы. Соответствующие термины заимствовались не только потому, что не было у славянского населения своих терминов, отражавших литовские

обычай, но и потому, что происходил процесс взаимоассимиляции, в результате которого на протяжении более двух тысяч лет побеждали славяне. В этом причина большего количества славизмов в литовском языке по сравнению с количеством балтизмов в соседних славянских языках. В то время, как славизмы укреплялись в литовском языке под влиянием церкви и образования из-за господства славянских языков в этой области, балтизмы постепенно исчезали из соседних языков как не имеющие опоры в системах этих языков. Но в своё время балтизмов было много в каждом из соседних славянских языков, причём одни и те же балтизмы отмечаются как в др. — бел., так и в польской письменности.

Важнейшая использованная литература:

1. Е. Карский, Белорусы, 1, Вильня, 1904.
  2. В. Костельницкий, Русско-литовские языковые связи по словарным материалам литовского языка, диссертация, Вильнюс, 1954.
  3. K. Jablonskis, Lietuviški žodžiai senosios Lietuvos raštinių kalboje, Kaunas, 1941, и рукописн. материалы.
  4. J. Endzelynas, Baltų kalbų garsai ir formas, § 115, 73, Vilnius, 1957.
  5. Chr. Stang, Die westrussische Kanzleisprache... Oslo, 1935.
  6. Ю. Трусман, Этимология местных названий Витебской губернии, Ревель, 1897.
  7. А. Дембовский, Опыт описания Могилевской губернии.... Могилев 1882, 1, 471 и др; 2, 57, 191, 189 (см. люди похожие).
  8. K. Būga, Rinktiniai raštai, 1, Vilnius, 1958.
  9. А. Варжбоуск, „Беларуска — літоўскія лексічныя ўзаемасувязі“, Мінск, 1960 (Монография в двух томах); „Балтизмы у беларускай мове“, Весці АН БССР, 2, 117—134, 1959 (методология исследования).
-